

181. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНЕДРЕНИЯ КРИПТОБАНКОВ В ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Марчук К.Г. студент гр.420604, Куновский Д.С. студент гр.420604

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь*

Мазайский А.Г. – преподаватель Каф.Экономики

Институционализация криптобанков в финансовой системе Республики Беларусь представляет собой уникальную модель глубокой интеграции цифровых активов в национальный экономический контур, превосходящую по уровню нормативной детализации подходы ведущих мировых юрисдикций. На основе анализа положений Указа № 19 от 16 января 2026 г. в статье оцениваются макроэкономические эффекты внедрения гибридных финансовых посредников, их влияние на трансмиссионный механизм монетарной политики и фискальную устойчивость государства в контексте глобальной конкуренции цифровых гаваней.

Эволюция глобальной финансовой архитектуры в 2026 году характеризуется необратимой конвергенцией децентрализованных технологий и классических банковских институтов, что находит наиболее полное отражение в актуальной нормативной базе Республики Беларусь. Указ № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)» от 16 января 2026 г. выступает фундаментом данной трансформации, определяя криптобанки как особый тип финансовых организаций, наделенных правом совмещения операций с фиатными валютами и цифровыми активами [1]. Нормативная логика документа направлена на легализацию статуса данных посредников в качестве полноправных участников платежной системы, что радикально меняет ландшафт финансового посредничества и создает предпосылки для формирования высокотехнологичного инвестиционного хаба, способного к автономному функционированию в условиях внешней изоляции.

Сравнительный анализ международной практики регулирования цифровых активов выявляет существенные отличия белорусской модели от подходов Швейцарии (FINMA), Сингапура (MAS) и Сальвадора. В то время как швейцарская юрисдикция ограничивается расширением существующих банковских лицензий для работы с криптоактивами (кейсы Sygnum и SEBA), а Сингапур фокусируется на регулировании платежных услуг через закон «О платежных услугах» (PSA), Республика Беларусь вводит уникальную правовую дефиницию «криптобанка» как самостоятельного институционального звена. В отличие от Сальвадора, где легализация биткоина носила характер директивного внедрения платежного средства, белорусский подход базируется на создании структурированной среды, где цифровые знаки интегрированы в систему банковского надзора и пруденциального регулирования. Уникальность отечественного опыта заключается в требовании 100-процентного резервирования обязательств в токенах высоколиквидными активами, что значительно жестче стандартов частичного резервирования, применяемых в традиционных банковских системах Европы и США.

Институциональная природа криптобанков в белорусской юрисдикции базируется на принципе гибридности, при котором кастодиальное хранение ключей неразрывно связано с традиционным расчетно-кассовым обслуживанием. Указ № 19 устанавливает жесткие пруденциальные требования к минимальному размеру собственного капитала криптобанков, который в 2026 году должен составлять не менее 25 млн белорусских рублей. Регуляторная архитектура требует перехода от классических методов надзора к технологическому аудиту смарт-контрактов и мониторингу распределенных реестров в режиме реального времени. Согласно прогнозным оценкам Национального банка, интеграция криптобанков позволит снизить операционные издержки на проведение трансграничных платежей на 15–20%, что эквивалентно росту ВВП на 0,8 процентных пункта к концу 2026 года за счет активизации внешнеэкономической деятельности [2].

Макроэкономические эффекты интеграции криптобанков проявляются через качественное изменение трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики. Появление посредников, предлагающих трансграничные расчеты в токенизированных активах, модифицирует работу процентного канала: ожидается, что к четвертому кварталу 2026 года доля цифровых активов в агрегате M2 может достичь 12%. Конкуренция за сбережения домохозяйств между традиционными депозитами и процентными инструментами криптобанков вынуждает коммерческие банки повышать эффективность, что ведет к сужению процентного спреда. Риски «криптоизации» экономики нивелируются требованиями Указа № 19 о приоритетном использовании токенов, номинированных в национальном фиате, а также планируемым внедрением цифрового рубля, где криптобанки выступают ключевыми узлами распределения и верификации транзакций.

Экономический потенциал для реального сектора заключается в снижении транзакционных издержек на 15–20% при осуществлении международных платежей и возможности прямого привлечения инвестиций через выпуск обеспеченных токенов (Asset-Backed Tokens), что особенно актуально для промышленных предприятий в условиях ограниченного доступа к классическим рынкам капитала. Для частных лиц внедрение криптобанков означает демократизацию доступа к инвестиционным

продуктам: граждане получают возможность использовать легальные инструменты стейкинга и доходного фермерства, защищенные национальным правом, что позволяет хеджировать инфляционные риски эффективнее традиционных валютных вкладов. Трансформация институциональной среды стимулирует таких игроков, как Whitebird и Dzengi.com, к переходу от модели узкоспециализированных площадок к полнофункциональному криптобанкингу с ведением гибридных счетов и выпуском платежных карт, привязанных к криптоактивам. Крупнейшие государственные финансовые институты, включая ОАО «АСБ Беларусбанк», рассматривают создание обособленных цифровых подразделений для кастодиального хранения активов и обслуживания смарт-контрактов крупных экспортеров, что позволяет удерживать капитал внутри страны и формировать замкнутый контур безопасных цифровых расчетов.

Взаимодействие криптобанков с бюджетной системой приобретает характер сквозного фискального контроля, обеспечиваемого абсолютной прозрачностью транзакций в блокчейн-сетях. Специфические фискальные инструменты адаптируются к динамике цифрового сектора: постановлением Министерства по налогам и сборам № 8 от 18 февраля 2026 года установлен коэффициент доходности от операций с цифровыми знаками на уровне 0,0367, что ниже показателя 2025 года (0,0570) и направлено на стимулирование притока институционального капитала. Подготовка к запуску государственной платформы распределенного реестра (DLT) в третьем квартале 2026 года обеспечит автоматизацию налогового администрирования «на уровне кода», исключая возможность уклонения от обязательств. Ожидаемые поступления в бюджет от деятельности криптобанков и связанных с ними сервисов в 2026 году прогнозируются на уровне 4,2% от общего объема доходов сектора услуг.

Соответствие белорусской модели международным стандартам FATF и Basel III обеспечивается имплементацией «правила перемещения» (Travel Rule), обязывающего криптобанки верифицировать данные об отправителе и получателе при каждой транзакции, превышающей порог в 1000 базовых величин. Регуляторная логика Указа № 19 в этой части опирается на внедрение протоколов сквозной аналитики блокчейна, что позволяет финансовым институтам проводить автоматизированный скоринг транзакций на предмет связи с адресами, имеющими высокую степень риска (высокий риск AML-несоответствия).

Риск-ориентированный подход предполагает наложение предельно высоких коэффициентов взвешивания по риску (до 1250%) на позиции криптобанков в необеспеченных волатильных активах, таких как биткоин или эфириум, что полностью соответствует финальным стандартам Базельского комитета по банковскому надзору (BCBS) от 2024 года [3]. Это создает мощный экономический стимул для криптобанков концентрировать ликвидность в стейблкоинах, обеспеченных государственными облигациями или реальными активами (RWA — Real World Assets), минимизируя системные риски для банковского сектора в целом. Для поддержания стабильности Указ № 19 вводит обязательный норматив ликвидности цифровых активов (D-LCR), требующий наличия резервов в фиатных средствах на специальных счетах в Национальном банке в размере не менее 15% от объема выпущенных токенизированных обязательств.

Закрепление институционального статуса криптобанков в правовом поле Республики Беларусь выступает вектором укрепления суверенитета в условиях фрагментации рынков. Имплементация Указа № 19 знаменует переход от регулятивных экспериментов к системной интеграции цифровых активов в платежный ландшафт. Формирование данной экосистемы детерминирует создание каналов токенизации активов под эгидой государственного надзора. Белорусская модель, синтезирующая стандарты Базеля III и функционал смарт-контрактов, позиционирует юрисдикцию как лабораторию инжиниринга. Роль криптобанков как валидаторов цифрового рубля обеспечивает автономность контура и минимизирует риски оттока капитала. Эффективность модели прямо коррелирует с плотностью компетенций и интеграцией инструментов в бюджетные процессы. К концу 2026 г. инфраструктура позволит сформировать рынок труда на стыке банкинга и блокчейна. Институционализация сектора становится фундаментом хаба, транслирующего стандарты прозрачности.

Список использованных источников:

1. О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов) : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2026 г., № 19 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 17.01.2026. — 3-1/22319.
2. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nbrb.by>. — Дата доступа: 14.03.2026.
3. Prudential treatment of cryptoasset exposures [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d545.htm>. — Дата доступа: 15.03.2026.